

Глава 13

Глава района F, чрезмерно озабоченный своим ВВП, сразу же после отъезда Ле Цзявэнь приступил к комплексной реорганизации района.

Спустя некоторое время район F полностью решил проблему нелегального въезда мигрантов, а перемещенные лица в пределах района были должным образом расселены благодаря финансовой помощи Ле Цзявэнь.

Император Макинтош был глубоко обеспокоен судьбой перемещенных лиц. Однако, как правитель страны, он должен был издавать приказы, которые были бы одинаково применимы ко всем районам. Поэтому он надеялся, что глава района F сможет хотя бы отсрочить решение проблемы, если не решить ее полностью, до того, как он окончательно утвердит свой указ — просто для того, чтобы перемещенное население не стало неуправляемым.

Неожиданно, еще до того, как его приказ был составлен, ситуация в районе F уже улучшилась.

Однако император Макинтош сразу понял, что это не было характерно для обычных методов главы района F.

Чтобы выявить истинного организатора, император Макинтош вызвал главу района F в район A, чтобы расспросить его о проблеме перемещенных лиц.

Ранее ослепленный амбициями, теперь ясно мыслящий глава района F полностью понял цель императора, вызвавшего его. Он не только верно передал предложения Ле Цзявэнь по управлению районом F, но и поделился с императором Макинтошем тем, что позже узнал от начальника полиции.

Узнав правду, император Макинтош тепло улыбнулся: «Министр Ле действительно воспитал прекрасного сына».

Однако, поскольку Ле Цзявэнь был несовершеннолетним, его предложения носили лишь рекомендательный характер и не должны были быть полностью реализованы на практике. Внеся некоторые изменения в предложения Ле Цзявэнь, император Макинтош отправил главу района обратно, чтобы тот их выполнил.

Тем временем он послал сообщение Ле Хунгуану: «Министр Ле, я хотел бы встретиться с вашим сыном».

К тому времени Ле Цзявэнь уже некоторое время находился в тренировочном лагере. Когда он получил сообщение от Ле Хунгуана, он был весьма удивлен.

Император Макинтош был не тем человеком, с которым мог встретиться кто угодно — он не

мог понять, почему император хотел его видеть.

Он спросил Ле Хунгуана, который также заявил о своей неосведомленности, сказав лишь, что, вероятно, это хорошая новость.

Затем Ле Цзявэнь посоветовался с Фан Синианом.

Фан Синиан предположил: «Может быть, это касается вашей предыдущей поездки в район F?»

Подумав, Ле Цзявэнь согласился: «Это имеет смысл. Ничто другое не кажется достаточно важным, чтобы заслужить внимание императора».

Как только они выяснили причину, Ле Цзявэнь стал беспокоиться о том, что надеть на встречу.

Наблюдая, как он нервно ходит по комнате, Фан Синиан почувствовал легкое головокружение. Он мягко удержал его и сказал: «Думаю, твоей тренировочной формы будет достаточно».

Ле Цзявэнь посмотрел на свою серую форму и скептически спросил: «Ты уверен?»

Фан Синиан кивнул. «Император Макинтош привык видеть людей, одетых экстравагантно. В его глазах вычурность не вызывает симпатии — достаточно просто одеться подобающе».

Все еще не убежденный, Ле Цзявэнь настаивал: «А тренировочная форма подобающая?»

Фан Синиан настаивал: «Доверься мне. Как стажеру, носить форму вполне приемлемо».

Хотя Ле Цзявэнь верил Фан Синиану, он не мог удержаться от того, чтобы посмотреть на себя в зеркало.

В зеркале он увидел высокого молодого человека со светлой кожей, чья хорошо сшитая серая форма подчеркивала его стройную, подтянутую фигуру.

После минуты самолюбования Ле Цзявэнь убедился.

Однако в день встречи его нервозность вновь дала о себе знать.

Потянув, Фан Синиана за рукав, он умолял его пропустить учения и пойти с ним.

«Отпуск из лагеря не так легко получить», — сказал Фан Синиан, устояв перед жалостным выражением лица Ле Цзявэнь.

Он хотел пойти, но офицеры-инструкторы никогда не одобрили бы такую просьбу — скорее всего, они назначили бы ему штрафные учения.

Хотя он процветал в условиях строгого лагеря, дополнительные учения оставались для него непривлекательными.

Не имея альтернативы, Ле Цзявэнь пошел один.

Император Макинтош был мужчиной за сотню лет, выглядящим средних лет, ростом более 180 см, с прямой осанкой и излучающим авторитет.

Хотя Ле Цзявэнь был такого же роста, по сравнению с ним он казался меньше. В тот момент, когда он открыл дверь частной столовой и увидел императора, его плечи инстинктивно опустились.

По иронии судьбы, император Макинтош специально выбрал модный ресторан и надел неформальную одежду по рекомендации Ле Хунгуана, чтобы Ле Цзявэнь чувствовал себя более непринужденно, но тот все равно был напуган.

Сдерживая вздох, император вспомнил информацию от Ле Хунгуана и решил постепенно вступить в разговор с Фан Синианом.

«Я слышал, у вас есть друг детства?» — спросил император Макинтош.

Ле Цзявэнь осторожно кивнул. «Да, его зовут Фан Синиан».

Император налил ему сок и подsunул его. «Говорят, вы двое уравниваете друг друга — один ученый, другой воин — и оба исключительно талантливы».

С каждым упоминанием о Фан Синиане Ле Цзявэнь все больше расслаблялся. «Не я — я достиг этого только благодаря многолетнему обучению отца. Фан Синиан — настоящий вундеркинд».

«О? Неужели?» Император мысленно отбросил эту мысль — Ле Хунгуан описывал эту пару как неразлучных возлюбленных, а это означало, что похвала Ле Цзявэнь, скорее всего, была окрашена в розовые тона.

Не заметив его скептицизма, Ле Цзявэнь восторженно сказал: «Фан Синиан потрясающий. Он лидирует по всем предметам в лагере, оставляя второе место далеко позади».

Поскольку Ле Цзявэнь был его настоящим объектом внимания, император вернул разговор к нему: «А ты? Каковы твои результаты в лагере?»

Озадаченный, Ле Цзявэнь ответил: «Я не знаю, на каком месте я нахожусь. По какой-то причине мои учебные модули отличаются от модулей других, поэтому мы не ранжируемся вместе».

(Император Макинтош, который разработал для него индивидуальную программу: *Ах.*) «Понятно. А как сравнивается интенсивность твоей подготовки? Это могло бы послужить ориентиром».

«Кажется, немного выше, но я хорошо адаптировался», — ответил Ле Цзявэнь.

Император похвалил: «Ты действительно одарен».

Ле Цзявэнь отмахнулся: «Нет, нет — просто годы тренировок с отцом дали мне небольшое преимущество».

Император Макинтош с любопытством спросил: «Какие методы он использовал?»

Подумав, Ле Цзявэнь объяснил: «В основном он заставлял меня тренироваться в его лагерях. Я начал следовать за ним в четыре года, просто подражая движениям других. По мере того, как я рос, он постепенно назначал мне упражнения на несколько уровней ниже, чем у обычных тренирующихся».

Император задумался: «А сколько ты знаешь о политике?»

«Не много», — признался Ле Цзявэнь.

«Но разве ты не давал недавно советы главе района F по управлению перемещенными лицами?»

Смущенный, Ле Цзявэнь сказал: «Это не моя сильная сторона — это сильная сторона Фан Синиана. Он всегда был наблюдательным, быстро анализировал ситуации и предлагал оптимальные решения. Думаю, я кое-что перенял? Позже он сказал, что мой подход был слишком поспешным».

«Это было несколько импульсивно», — признал император, теперь заинтересовавшись Фан Синианом. «Он рассказал, как бы он поступил?»

Ле Цзявэнь пересказал гипотетические решения Фан Синиана, предложенные им во время разговора, а также более подробные предложения, которые тот дал после настойчивых просьб.

Слушая, глаза императора Макинтоша засияли. «Он действительно замечательный. Вы упомянули, что его оценки в лагере тоже выдающиеся?»

Ле Цзявэнь просиял. «Он усердно учится — с большим отрывом лидирует по всем предметам в лагере, а также отлично справляется с академическими задачами. Его семья никогда не делала акцент на этих навыках, поэтому он кажется скромно одаренным, но на самом деле он невероятен».

Услышав это, император Макинтош почувствовал, что будущее империи никогда не выглядело так радужно. Эта поездка окупилась с лихвой — он начал разрабатывать стратегию, как использовать этих двух многообещающих талантов.

Фан Синиан и Ле Цзявэнь, один гражданский, другой военный, наверняка станут его самыми сильными правыми руками после успешного окончания учебного лагеря.

Макинтош задал еще несколько вопросов.

Ле Цзявэнь ответил на все подробно.

Под описаниями Ле Цзявэнь император Макинтош все больше и больше хотел встретиться со своим будущим «правой рукой».

Ле Цзявэнь был человеком действия. Как только Макинтош выразил желание встретиться с Фан Синианом, он сразу же позвонил ему и попросил взять отпуск и встретиться.

Никто не осмелился отказаться от приглашения императора. Объяснив ситуацию своим начальникам в учебном лагере, Фан Синиан последовал за указанным Ле Цзявэнь адресом и полетел на своем корабле в ресторан.

Фан Синиан был высоким и худощавым, выглядел как ученый, но его облегающая тренировочная форма ясно давала понять, что он не был хрупким ученым, а скорее человеком, который мог применить силу, если слова не помогали.

Император Макинтош был весьма доволен этим образом гражданского чиновника. Хрупкие на вид придворные чиновники, которые, казалось, могли быть сбиты с ног одним толчком, не вызывали никакого страха. Иногда, во время споров с военными чиновниками, гражданские чиновники выглядели готовыми упасть в обморок, еще до того, как последние успевали сказать несколько слов.

Такой человек, как Фан Синиан, мог бы придать гражданским чиновникам некоторую твердость.

Однако по мере того, как его восторг постепенно угасал во время беседы с Фан Синианом, Макинтош начал замечать в молодом человеке фатальный недостаток.

Император невольно нахмурился, наблюдая за спокойным молодым человеком перед ним, чьи

холодные глаза, казалось, видели только Ле Цзявэнь.

Этот прирожденный государственный деятель не имел идеалов и не был предан нации.

Его лояльность принадлежала исключительно Ле Цзявэнь.

<http://bllate.org/book/14708/1314249>